

Вестник Евразийской науки / The Eurasian Scientific Journal <https://esj.today>

2026, Том 18, № 2 / 2026, Vol. 18, Iss. 2 <https://esj.today/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://esj.today/PDF/54ECVN226.pdf>

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Пономарева, Н. И. Индикативный анализ экономической безопасности регионов Российской Федерации в условиях санкционного давления: адаптация пороговых значений к реалиям 2022–2025 годов /

Н. И. Пономарева // Вестник евразийской науки. — 2026. — Т. 18. — № 2. — URL:

<https://esj.today/PDF/54ECVN226.pdf>.

For citation:

Ponomareva N.I. An Indicative analysis of the economic security of Russian regions under sanctions: adapting threshold values to the realities of 2022–2025. *The Eurasian Scientific Journal*. 2026;18(2): 54ECVN226. Available at: <https://esj.today/PDF/54ECVN226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 338.2:332.1

Пономарева Наталья Игоревна

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет инженерных технологий», Воронеж, Россия

Доцент кафедры «Теории экономики и учетной политики»

Кандидат экономических наук

E-mail: ponomareva220387@yandex.ru

Индикативный анализ экономической безопасности регионов Российской Федерации в условиях санкционного давления: адаптация пороговых значений к реалиям 2022–2025 годов

Аннотация. Санкционное давление 2022–2025 годов качественно перестроило архитектуру угроз экономической безопасности российских регионов и обнажило методологический разрыв между сложившимся диагностическим инструментарием и актуальной экономической реальностью. Пороговые значения индикаторов, разработанные в начале 2000-х годов, формировались в принципиально иной геоэкономической среде — в условиях глубокой интеграции России в глобальные цепочки поставок, преимущественной ориентации экспорта углеводородов на европейский рынок и относительно свободного доступа к импортному оборудованию. После февраля 2022 года перечисленные допущения утратили силу, что поставило под сомнение саму применимость прежних критических уровней для оценки региональной устойчивости. Цель работы заключается в обосновании необходимости корректировки пороговых значений индикаторов экономической безопасности регионов и в формулировании обновлённых нормативных уровней по пяти ключевым показателям. Объектом исследования выступает экономическая безопасность регионов Российской Федерации в разрезе восьми федеральных округов, а предметом — система индикаторов и пороговых значений, применяемых для региональной диагностики. Эмпирическая база сформирована на основе данных Росстата за 2019–2024 годы и охватывает производственные, финансово-бюджетные, социальные, а также инвестиционно-инновационные показатели. Анализ распределения рисков по федеральным округам показал, что ни одна из территорий страны не находится в полной зоне безопасности по всему набору индикаторов. Минимальное число рисков зафиксировано в Дальневосточном округе, тогда как наибольшая концентрация угроз характерна для Северо-Западного, Северо-Кавказского, Приволжского и Сибирского округов. Универсальной угрозой выступает низкая доля инновационной продукции, фиксируемая практически во всех федеральных округах. Научная новизна состоит в выявлении

конкретных расхождений между пороговыми и фактическими значениями индикаторов в условиях санкционного давления и в обосновании скорректированных нормативных уровней для пяти показателей. Практическая значимость определяется формированием обновлённого диагностического инструментария, пригодного для мониторинга экономической безопасности регионов в условиях продолжающихся внешних ограничений.

Ключевые слова: экономическая безопасность региона; индикативный анализ; пороговые значения; санкционное давление; федеральные округа; валовой региональный продукт; инвестиции в основной капитал; износ основных фондов; уровень безработицы; импортозамещение

Введение

Экономическая безопасность как научная категория сформировалась в российской литературе в 1990-х годах, когда трансформационный кризис обнажил уязвимость национальной и региональной экономик. Необходимо подчеркнуть, что пороговые значения, сформулированные в 2000-х годах, создавались в принципиально иной экономической среде. Россия была интегрирована в глобальные цепочки поставок, экспорт углеводородов шёл преимущественно в Европу, а уровень износа основных фондов рассматривался как следствие недоинвестирования 1990-х. После февраля 2022 года структура угроз изменилась качественно.

Актуальность исследования определяется двумя обстоятельствами. Действующая Стратегия экономической безопасности Российской Федерации¹ содержит перечень вызовов и угроз, но не фиксирует количественных пороговых значений для региональной диагностики. Научные пороговые значения разрабатывались до 2010 года и не корректировались с учётом санкционных реалий.

Научная проблема заключается в несоответствии существующих пороговых значений индикаторов экономической безопасности регионов фактическим условиям функционирования российской экономики в 2022–2025 годах. Объектом исследования выступает экономическая безопасность регионов Российской Федерации в разрезе федеральных округов. Предметом является система индикаторов и пороговых значений, применяемых для диагностики экономической безопасности.

Цель работы состоит в обосновании необходимости корректировки пороговых значений индикаторов экономической безопасности регионов и предложении обновлённых пороговых значений для пяти индикаторов.

Задачи исследования:

1. Систематизировать подходы к индикативному анализу экономической безопасности регионов;
2. Сопоставление существующих пороговых значений с фактическими данными федеральных округов за 2022–2024 годы;
3. Обосновать предложения по корректировке скорректированных пороговых значений.

Научная новизна заключается в выявлении конкретных расхождений между пороговыми и фактическими значениями индикаторов экономической безопасности в условиях

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения: 18.04.2026).

санкционного давления и предложении обновлённых пороговых значений для пяти индикаторов.

1. Методы и материалы

Эмпирическая база сформирована на основе данных Росстата за 2019–2024 годы² в разрезе восьми федеральных округов. Анализ проведён методом сопоставления фактических значений индикаторов с пороговыми значениями.

2. Результаты и обсуждение

Индикативный анализ экономической безопасности предполагает сравнение фактических значений показателей с пороговыми (критическими) уровнями. Л. И. Абалкин [1] сформулировал саму постановку задачи, определив экономическую безопасность через способность противостоять угрозам. В. К. Сенчагов [2] предложил набор из 25 индикаторов с пороговыми значениями для национального уровня. А. И. Татаркин и А. А. Куклин [3] спустили подход на региональный уровень, выделив 19 индикаторов, сгруппированных по четырём сферам. И. Я. Богданов [4] развил теоретическую базу, связав экономическую безопасность с институциональными условиями. С. В. Казанцев [5] обсудил стратегические аспекты. Е. С. Митяков [6] предложил классификацию индикаторов по степени критичности. И. В. Караваева и М. Ю. Лев [7] проанализировали бюджетные аспекты безопасности в условиях мобилизационной экономики. Е. Н. Барикаев и О. В. Сараджева [8] обратили внимание на несоответствие традиционных индикаторов новым условиям. Э. Р. Накипов [9] разработал инструментарий прогнозирования индикаторов на региональном уровне.

Систематизация позволяет выделить четыре группы индикаторов, представленные в таблице 1.

Таблица 1

Группы индикаторов экономической безопасности региона и их содержание

Группа	Индикаторы	Авторы, предложившие пороговые значения
Производственные	Индекс физического объёма ВРП, индекс промышленного производства, доля обрабатывающих производств	В. К. Сенчагов, А. И. Татаркин и А. А. Куклин
Финансово-бюджетные	Дефицит бюджета к ВРП, государственный долг к доходам бюджета, доля трансфертов в доходах	В. К. Сенчагов, И. В. Караваева и М. Ю. Лев
Социальные	Уровень безработицы, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, децильный коэффициент	Л. И. Абалкин, В. К. Сенчагов, Е. Н. Барикаев и О. В. Сараджева
Инвестиционно-инновационные	Инвестиции в основной капитал к ВРП, степень износа основных фондов, доля инновационной продукции	А. И. Татаркин и А. А. Куклин, Е. С. Митяков

Составлено автором

Сопоставление пороговых значений В. К. Сенчагова с фактическими данными 2022–2024 годов выявляет системные расхождения. По данным Росстата³, степень износа основных фондов в 2023 году составила 52,3 % по России в целом, тогда как пороговое значение

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.04.2026)

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.04.2026)

установлено на уровне 60 %. На первый взгляд показатель в зоне безопасности. Однако А. М. Воловик [10] справедливо указал, что после санкций 2022 года доступ к импортному оборудованию ограничен, и скорость обновления фондов снизилась, что требует снижения порога до 50 %. Уровень безработицы на конец 2024 года составил 2,3 % (среднегодовое значение 2,5 %)⁴, что значительно ниже порогового значения 8 % по В. К. Сенчагову. Следует отметить, что столь низкая безработица в условиях кадрового дефицита сама становится угрозой, поскольку перегрев рынка труда ведёт к инфляции заработных плат и снижению конкурентоспособности.

Результаты сопоставления по пяти индикаторам обобщены в таблице 2.

Таблица 2

Сопоставление пороговых значений индикаторов экономической безопасности с фактическими данными по России за 2023–2024 годы

Индикатор	Пороговое значение	Фактическое значение 2023–2024	Расхождение	Предлагаемая корректировка
Степень износа основных фондов, %	Не более 60	52,3 (2023)	Формально в норме, но обновление замедлилось	Не более 50
Уровень безработицы, %	Не более 8	2,3 (конец 2024)	Значительно ниже порога	Диапазон 3–6 (ниже 3 означает перегрев)
Инвестиции в основной капитал к ВВП, %	Не менее 25	21,8 (2023)	Ниже порога	Не менее 22 (с учётом структурных изменений)
Доля инновационной продукции, %	Не менее 15	5,1 (2023)	Значительно ниже	Не менее 10 (промежуточный целевой уровень)
Дефицит бюджета к ВВП, %	Не более 3	1,9 (2023)	В норме	Сохранить без изменений

Составлено автором на основе данных Росстата⁵

Данные таблицы 2 показывают, что из пяти индикаторов три требуют пересмотра пороговых значений. Износ основных фондов нуждается в ужесточении порога с 60 до 50 %, поскольку в условиях ограниченного доступа к импортному оборудованию темпы обновления снизились. Безработица требует введения двустороннего порога (3–6 %), отражающего тот факт, что сверхнизкая безработица является не признаком благополучия, а сигналом перегрева. Инвестиции в основной капитал следует скорректировать до 22 % с учётом структурных сдвигов (рост доли государственных инвестиций, сокращение иностранных). Доля инновационной продукции требует снижения промежуточного целевого порога до 10 %, поскольку достижение прежнего уровня 15 % в горизонте до 2030 года представляется нереалистичным. Дефицит бюджета сохраняется в пределах порогового значения и корректировки не требует.

Региональная дифференциация усиливает проблему. Разрыв между ведущим (Центральный) и отстающим (Северо-Кавказский) федеральными округами по индексу физического объёма ВРП составляет более 30 процентных пунктов. Д. А. Зарезнов [11] обратил внимание на то, что геоэкономические угрозы неравномерно затрагивают регионы, ориентированные на экспорт, и регионы, зависящие от импортных технологий. А. А. Песоцкий [12] подтвердил, что рост российской экономики в 2023–2024 годах оказался выше первоначальных прогнозов (ВВП по ППС достиг 6,92 трлн долл. в 2024 году), однако этот рост распределяется крайне неравномерно по территории страны.

⁴ Обзор рынка труда. Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 18.04.2026)

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.04.2026)

Результаты сопоставления пороговых значений с фактическими данными по федеральным округам суммированы в таблице 3.

Таблица 3

**Число индикаторов в зоне риска по
федеральным округам (из пяти рассмотренных), 2023 год**

Федеральный округ	Износ фондов (порог 50 %)	Безработица (порог 3–6 %)	Инвестиции к ВРП (порог 22 %)	Инновационная продукция (порог 10 %)	Число индикаторов в зоне риска
Центральный	В норме	Ниже 3 (перегрев)	В норме	Ниже порога	2
Северо-Западный	Превышает	Ниже 3	В норме	Ниже порога	3
Южный	В норме	В норме	Ниже порога	Ниже порога	2
Северо-Кавказский	В норме	Выше 6	Ниже порога	Ниже порога	3
Приволжский	Превышает	Ниже 3	В норме	Ниже порога	3
Уральский	Превышает	Ниже 3	В норме	В норме	2
Сибирский	Превышает	В норме	Ниже порога	Ниже порога	3
Дальневосточный	В норме	В норме	В норме	Ниже порога	1

Составлено автором на основе данных Росстата⁶

Данные таблицы 3 показывают, что ни один федеральный округ не находится в полной зоне безопасности по всем пяти индикаторам. Наименьшее число рисков (один) зафиксировано в Дальневосточном федеральном округе, что объясняется ростом инвестиций благодаря программам территорий опережающего развития и свободного порта Владивосток. Наибольшее число рисков (три) наблюдается в Северо-Западном, Северо-Кавказском, Приволжском и Сибирском округах. Универсальной угрозой является низкая доля инновационной продукции, фиксируемая в семи из восьми федеральных округов.

Полученные результаты согласуются с выводами Э. Р. Накипова, который показал, что прогнозирование индикаторов экономической безопасности требует учёта режимных переключений в экономической политике. И. В. Караваева и М. Ю. Лев подтвердили, что бюджетные параметры оказались более устойчивыми к санкционному давлению, чем инвестиционные и инновационные показатели. Е. Н. Барикаев и О. В. Сараджева [13] обращали внимание на необходимость мониторинга, адаптированного к кризисным условиям, что подтверждается результатами настоящего исследования. А. И. Хорев и И. П. Богомолова [14] показали, что стратегическое управление экономической безопасностью требует системного подхода, интегрирующего опыт различных уровней управления. Ю. М. Соколинская [15] обосновала, что оценка экономической безопасности территориальных систем должна учитывать специфику муниципального уровня, что дополняет проведённый анализ на уровне федеральных округов.

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд содержательных выводов о характере трансформации угроз экономической безопасности регионов в период санкционного давления. Прежде всего необходимо обратить внимание на структурный характер выявленных расхождений. Расхождения между пороговыми и фактическими значениями индикаторов не являются временными отклонениями, вызванными конъюнктурным шоком, а отражают устойчивые сдвиги в условиях воспроизводства. Ограничение доступа к импортному оборудованию, переориентация торговых потоков, увеличение доли государственного спроса в структуре инвестиций и обострение кадрового дефицита формируют новую нормальность, в рамках которой традиционные пороговые значения утрачивают диагностическую ценность.

Особого внимания заслуживает проблема интерпретации низкой безработицы. В классической парадигме экономической безопасности снижение уровня безработицы

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 18.04.2026)

однозначно рассматривалось как положительный сигнал. Между тем опыт 2023–2024 годов показал, что безработица на уровне 2,3–2,5 % сопровождается ускоренным ростом номинальных заработных плат, который опережает динамику производительности труда. По данным Росстата, среднемесячная номинальная заработная плата в 2024 году выросла на 18,0 % в годовом выражении, тогда как индекс производительности труда за тот же период увеличился не более чем на 3,5 %. Образовавшийся разрыв генерирует инфляционное давление, снижает ценовую конкурентоспособность обрабатывающих производств и препятствует структурной перестройке экономики в пользу высокотехнологичных секторов. Введение двустороннего порогового значения безработицы (3–6 %) позволяет зафиксировать эту двойственность и перейти от одномерной к диапазонной диагностике, учитывающей риски как недозанятости, так и перегрева.

Анализ инвестиционной активности в региональном разрезе выявляет ещё одну существенную тенденцию. Рост доли инвестиций в основной капитал к ВРП в Дальневосточном федеральном округе до уровня, превышающего 30 %, во многом обусловлен действием целевых государственных программ и преференциальных режимов. В то же время в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах этот показатель остаётся ниже предложенного порогового значения 22 %, что свидетельствует о сохраняющейся зависимости данных территорий от бюджетных трансфертов при недостаточном объёме частных инвестиций. Следует подчеркнуть, что качественная структура инвестиций имеет не меньшее значение, чем их объём. Увеличение доли государственных капитальных вложений в оборонно-промышленный комплекс и инфраструктурные проекты способно формально повышать показатель инвестиций к ВРП, однако не обеспечивает диверсификации производственной базы и технологического обновления гражданских отраслей.

Наиболее острой и системной угрозой остаётся крайне низкая доля инновационной продукции. Фактическое значение 5,1 % в 2023 году более чем втрое уступает прежнему пороговому уровню 15 % и почти вдвое ниже предложенного промежуточного порога 10 %. Данный разрыв фиксируется в семи из восьми федеральных округов и имеет устойчивый характер на протяжении всего рассматриваемого периода. Причины носят комплексный характер. С одной стороны, разрыв технологических связей с западными партнёрами сократил возможности для трансфера технологий и совместных разработок. С другой стороны, статистическая методология учёта инновационной продукции в Российской Федерации остаётся консервативной и не в полной мере отражает результаты обратного инжиниринга, адаптации импортных решений и локализации производств, которые получили широкое распространение после 2022 года. В. И. Абрамов [16] обоснованно указал на необходимость расширения методологических подходов к измерению инновационной активности с учётом специфики импортозамещения, что может привести к пересмотру фактических значений данного индикатора в сторону повышения.

Региональная дифференциация угроз определяет необходимость дифференцированного подхода к формированию пороговых значений. Единые общенациональные пороги выполняют ориентирующую функцию, однако не учитывают специфику структуры экономики отдельных территорий. Например, для Уральского федерального округа, обладающего высокой долей металлургии и нефтехимии, износ основных фондов на уровне 55 % представляет более серьёзную угрозу, чем аналогичный показатель для Центрального округа с преобладанием сферы услуг. Перспективным направлением развития методологии является формирование трёхуровневой системы пороговых значений, включающей общенациональный, окружной и отраслевой уровни. Подобная система позволила бы повысить точность диагностики и обеспечить адресность мер экономической политики.

Выводы

По первой задаче систематизированы подходы к индикативному анализу экономической безопасности регионов. Выделены четыре группы индикаторов (производственные, финансово-бюджетные, социальные, инвестиционно-инновационные), что позволяет охватить все значимые сферы региональной экономики (таблица 1).

По второй задаче проведено сопоставление пороговых значений с фактическими данными за 2022–2024 годы (таблицы 2 и 3). Установлено, что из пяти рассмотренных индикаторов три (износ фондов, безработица, инвестиции) требуют корректировки пороговых значений. Доля инновационной продукции требует снижения промежуточного целевого порога. Дефицит бюджета сохраняется в пределах нормы.

По третьей задаче предложены скорректированные пороговые значения. Порог износа основных фондов снижен с 60 до 50 %. Для безработицы введён двусторонний диапазон 3–6 %. Порог инвестиций в основной капитал снижен с 25 до 22 %. Промежуточный целевой порог инновационной продукции установлен на уровне 10 %. Предложенные корректировки формируют обновлённый диагностический инструментарий, пригодный для мониторинга экономической безопасности регионов в условиях продолжающегося санкционного давления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абалкин, Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. И. Абалкин // Вопросы экономики. — 1994. — № 12. — С. 4-16. — EDN SJOVDJ.
2. Сенчагов, В. К. Экономическая безопасность России / В. К. Сенчагов // ЭКО. — 2007. — № 5(395). — С. 1-21. — EDN HZTISR.
3. Татаркин, А. И. Экономическая безопасность Свердловской области / А. И. Татаркин, А. А. Куклин, О. А. Романова. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. — 450 с. — ISBN 5-86037-011-3. — EDN QQBCCR.
4. Богданов, И. Я. Экономическая безопасность России: теория и практика / И. Я. Богданов. — Москва: Автономная некоммерческая организация "Центр социально-политических исследований "Премьер", 2001. — 351 с. — ISBN 5-7556-0186-0. — EDN YIVMCC.
5. Казанцев, С. В. О стратегии экономической безопасности / С. В. Казанцев // Мир новой экономики. — 2016. — № 3. — С. 6-13. — EDN WMIGIN.
6. Митяков, С. Н. Система индикаторов для оценки влияния сферы информационных технологий на экономическую безопасность России / С. Н. Митяков, Е. С. Митяков, П. А. Харитонов // Экономическая безопасность. — 2025. — Т. 8, № 1. — С. 195-212. — DOI 10.18334/ecsec.8.1.122539. — EDN JLVOLW.
7. Караваева, И. В. бюджет Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024-2025 годов в условиях частично мобилизационной экономики / И. В. Караваева, С. В. Казанцев, М. Ю. Лев [и др.] // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 11-50. — DOI 10.18334/ecsec.6.1.117468. — EDN CNQVVM.

8. Барикаев, Е. Н. Индикаторы оценки экономической безопасности региона / Е. Н. Барикаев, О. В. Сараджева // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 5. — С. 237-246. — EDN PAUKSB.
9. Накипов, Э. Р. Методологический инструментарий оценки и прогнозирования индикаторов обеспечения экономической безопасности регионов / Э. Р. Накипов // Russian Journal of Management. — 2025. — Т. 13, № 4. — С. 119-140. — DOI 10.29039/2500-1469-2025-13-4-119-140. — EDN SPOKNM.
10. Воловик, А. М. Региональные аспекты экономической безопасности в новой реальности / А. М. Воловик // Экономическая безопасность. — 2024. — Т. 7, № 4. — С. 967-984. — DOI 10.18334/ecsec.7.4.120938. — EDN LHBQVQ.
11. Зарезнов, Д. А. Российская экономика 2025 — актуальные геэкономические и геополитические угрозы безопасности / Д. А. Зарезнов // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 4. — С. 45-49. — DOI 10.24412/1998-5533-2024-4-45-49. — EDN QJACRL.
12. Песоцкий, А. А. Экономика России против санкционных угроз: взгляд из 2025 года / А. А. Песоцкий // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — № 4(141). — С. 125-131. — DOI 10.24158/per.2025.4.16. — EDN LDNPDC.
13. Барикаев, Е. Н. Индикаторы оценки экономической безопасности региона / Е. Н. Барикаев, О. В. Сараджева // Вестник Московского университета МВД России. — 2012. — № 5. — С. 237-246. — EDN PAUKSB.
14. Богомолова, И. П. Исследование зарубежного опыта организации стратегического планирования, анализа и управления экономической безопасностью на национальном уровне / И. П. Богомолова, А. И. Хорев, М. И. Королев [и др.] // Экономическая безопасность. — 2022. — Т. 5, № 4. — С. 1205-1224. — DOI 10.18334/ecsec.5.4.116471. — EDN SLBPJY.
15. Соколинская, Ю. М. Выявление приоритетных факторов, влияющих на экономическую безопасность монопрофильных муниципальных образований региона / Ю. М. Соколинская // Экономическая безопасность. — 2023. — Т. 6, № 1. — С. 315-332. — DOI 10.18334/ecsec.6.1.117514. — EDN IPUPHK.

Ponomareva Nataliya Igorevna

Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russia
E-mail: ponomareva220387@yandex.ru

An Indicative analysis of the economic security of Russian regions under sanctions: adapting threshold values to the realities of 2022–2025

Abstract. The sanctions pressure of 2022–2025 has fundamentally restructured the architecture of economic security threats to Russian regions and exposed a methodological gap between established diagnostic tools and the current economic reality. The indicator thresholds developed in the early 2000s were formed in a fundamentally different geoeconomic environment — with Russia's deep integration into global supply chains, its predominant focus on the European market for hydrocarbon exports, and relatively free access to imported equipment. After February 2022, these assumptions became invalid, calling into question the very applicability of the previous critical levels for assessing regional resilience. The aim of this paper is to substantiate the need to adjust the threshold values of regional economic security indicators and formulate updated standard levels for five key indicators. The study focuses on the economic security of Russian regions across eight federal districts, and the subject matter is a system of indicators and thresholds used for regional diagnostics. The empirical base is based on Rosstat data for 2019–2024 and covers production, financial and budgetary, social, and investment-innovation indicators. An analysis of risk distribution across federal districts revealed that no region is completely safe for the entire set of indicators. The Far Eastern Federal District exhibits the fewest risks, while the Northwestern, North Caucasian, Volga, and Siberian Federal Districts exhibit the highest concentrations of threats. A low share of innovative output, observed in virtually all federal districts, is a universal threat. The study's scientific novelty lies in identifying specific discrepancies between threshold and actual indicator values under sanctions pressure and in substantiating adjusted standard levels for five indicators. The practical significance lies in the development of updated diagnostic tools suitable for monitoring regional economic security in the face of ongoing external restrictions.

Keywords: regional economic security; indicative analysis; threshold values; sanctions pressure; federal districts; gross regional product; fixed capital investment; depreciation of fixed assets; unemployment rate; import substitution